

Евгений Чебалин

ПОДЛИННОСТЬ «БОЛЬШОЙ КНИГИ»

Суть главной литературной премии

Свершившийся факт 2022 года для литераторов, окололитераторов и целеустремлённых графоманов: победителем одной из главных премий России «Большая книга» стала «Подлинная история Анны Карениной» Павла Басинского.

Принимающая участие в конкурсах элита нашей постсоветской литературы, обойдённая и проигнорированная «Большой книгой», синхронно озадачилась – а остальные? Это был логичный вопрос к премии, поскольку «Подлинник» Басинского заталкивал всех предыдущих критиков XIX–XX веков с их «неподлинной» аналитикой «Анны Карениной» в статус, как ни крути – ложных. Кто же были эти «не подлинные», каков их коллективный портрет?

Желающих высказаться по поводу публикации глав из «Анны Карениной» в 19 веке было пруд пруди. Они толпились у редакций журналов и газет того времени с неодолимой, засасывающей тягой отозваться на новый роман Толстого. Этот массово-критический бурлеск с изумлением подметил маститый критик того времени Страхов: «О выходе каждой части «Карениной» (7 мая 1877 г.) в газетах извещают так же поспешно, и толкуют так усердно, как о новой битве империи, или новом изречении Бисмарка».

Помимо Страхова об «Анне Карениной» писали в XIX веке литературоведческие, критические зубры русской литературы – Ткачёв, Михайловский, Чуйко, Авсеенко, Соловьёв и сам Некрасов. Это далеко не полный список того времени из тех, кто жаждал высказаться о шедевре Льва Толстого.

По «Анне Карениной» позднее были поставлены более десятка фильмов с участием мировых звёзд, сыгравших Анну: Кэри Блум, Грета Гарбо, Вивьен Ли, Софи Марсо, Нарцисса Малфой,

Кира Найтли. Каренину сыграли в отечественных фильмах и наши звёзды: Татьяна Самойлова, Светлана Ходченкова, Татьяна Друбич. Каренину станцевала в балете Майя Плисецкая, спела в мюзикле Екатерина Гусева.

Поэтому вполне естественным было желание Павла Басинского – как давнего исследователя Льва Толстого (до «Подлинной истории...» Павел Валерьевич обращался и перерабатывал дневники Льва Толстого в книге «Лев Толстой: бегство из рая») – втиснуться очередной книгой в этот звёздно-литературный и кинематографический ряд. Втиснуться, хлестнув предшественников «длинной палкой» своего «подлинника» об Анне. Про «длинную палку» не навет и не издёвка, поскольку (согласно Краткому этимологическому словарю русского языка) «подлинник» – это длинная палка, которая использовалась дознавателями на Руси для выколачивания из подсудимых подлинной правды.

Встраивание Басинского в толпу предшественников стало на удивление болезненным процессом для него самого. Этот процесс «пошёл» у автора после десятого прочтения романа. Басинский делится с читателем своим самочувствием от эдакого десятикратного вгрызания в текст Толстого:

«Я понял, что это становится родом сумасшествия... каждый год чувство, что я читаю другой роман, меня не покидало... иногда я обнаруживал, что у графа Вронского вдруг отрастала борода... она то была, то её не было».

Нельзя не выразить Павлу Валерьевичу нашего читательского соболезнования в связи с его «родом сумасшествия», в коем нагло вырастают и пропадают бороды Вронского. Остаётся лишь сочувственно предположить, как кошмарили Басинского герои романа в приступах этого сумасшествия, о которых он стоически умалчивает: видимо, и у Каренина то вырастали, то пропадали рога, наставленные Анной, а у «горячего жеребца» (по Н. К. Михайловскому) Вронского помимо катаклизмов с бородой то появлялись, то исчезали его иные мужские признаки...

Но оставим победителя «Большой книги» наедине с его приступами, терпеливо поджидая момента, когда его «род сумасшествия» сменится на адекватность, в которой можно будет

порассуждать о «подлинной» Анне Карениной Басинского, а также о его предыдущих «препарированиях» Льва Толстого с помощью дневников графа, куда Басинский проник своим «обзирательным» взором, как в замочную скважину.

Есть смысл изначально высветить предшественников Басинского, извергавших, по Павлу Валерьевичу, «не подлинные» тексты.

Вчитываясь в критических предшественников 19 века, анализируя «Анну Каренину», втягиваешься властно и логически в интеллект критиков и, главное, – в социальную аналитику романа. Она разительно разнообразна по форме, но единодушна по содержанию. Если говорить о форме, нельзя не отметить добродушно язвительный отклик об «Анне Карениной» самого Некрасова:

*Толстой, ты доказал с терпением, талантом,
Что женщине не следует «гулять» –
Ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом,
Когда она жена и мать.*

Критик с едва ли меньшей известностью – Ткачёв, фиксируя у Толстого нещадный вердикт светскому обществу, присоединяется к нему тональностью, напроць лишённой шутейности:

«Все эти Левины, Вронские, Облонские, Анна Каренина, Долли, Кити – сверх обеспеченные материальным довольствием субъекты... вследствие склада их воспитания и ограниченности нравственного и умственного развития исповедуют главные ценности жизни – наживу, половые отношения и семейные дразги».

Именно Ткачёв подсказывает нам из своего века продолжение видеоряда близнецовыми персонажами из XX–XXI веков: «Все эти Гусинские, Березовские, Чубайсы, Каспаровы, Авены, Урганты, Галкины, Венедиктовы, Пугачёвы, Абрамовичи...».

Не менее категоричен в своей социальной аналитике критик Н. К. Михайловский. Мы фиксируем в его суждении о романе нравственную оценку «Анны Карениной», как и у Ткачёва.

«В «Анне Карениной» мы видим факт чрезвычайно брезгливого интереса автора к высшему, благоуханному обществу... этот Вронский, в котором не разберёшь, где кончается горячий чистокровный жеребец, а где начинается человек... этот Облон-

ский с его скрипучим легкомыслием... в описании этих лиц столь полное презрение к этому миру, что и разговаривать дальше о нём не стоит».

Завершая этот краткий экскурс в критические публикации XIX века, стоит привести высказывание современника Толстого – романиста Всеволода Соловьёва:

«Беспощадную и едкую иронию Титана литературы можно видеть в «Анне Карениной» по отношению к высшему обществу, которое составляет главный предмет романа».

Нельзя не согласиться: главная тема романа Льва Толстого – агонизирующее имперское высшее общество 19 века, с его праздной, раззолоченной бесцельностью, с его ханжеством и потребительски оголтелым материализмом, напрочь лишённым патриотизма и творческих импульсов. Именно эта психологическая правда Льва Толстого о среде обитания аристократической элиты, среде, которая загнила, среде, где восплалялись протестные революционные очаги, вызвала столь бурный поток отзывов, откликов и рецензий на «Анну Каренину».

Пётр Аркадьевич Столыпин выстраивал свою государственную политику реформации такого общества с его угнетением крестьянства, и потому общество мстительно организовало девять покушений на его жизнь.

Скорее всего, именно эта беспощадная правда Толстого высекла из вождя грядущей революции Ленина, не терпевшего «гнилой интеллигенции», знаменитую, сакральную фразу о писателе: «Толстой – как зеркало революции».

Аналитики 19 века, отзываясь об «Анне Карениной» провидца из Ясной Поляны, меряли её как социальным эталоном своё время. Что социального для своего времени видит и фиксирует критик Басинский в «Подлинной истории...»? Что именно заставило его написать роман об «Анне Карениной», родом из 19 века? Транслирует ли он аналогии и ретроспекции оттуда – к нам? Чему учит автор своего читателя, современника из века-волкодава, бросившегося этому читателю на шею: с вековой людоедской ненавистью Запада к России, с паразитической сутью российского олигархата и присосавшихся к нему чиновников, воругов, растлителей, с братоубийственной бойней на Украине, навязанной нам Западом и США, с миллионами

оболваненных и зомбированных айфонами детей, с театрами, где публично на сцене справляют нужду, выставляют напоказ гениталии и спариваются? Видит ли, ощущает ли писатель Басинский – как камертон общества, эти нынешние язвы и струпы, от коих страна начала мучительно избавляться, болят ли они в нём самом?

Именно эти вопросы заставили взяться за чтение «Подлинной истории...». Именно эти, а не история «Анны Карениной», которую уважающий себя интеллигент России предпочитает познать от самого Льва Толстого, а не от его жанровых пересказчиков-интерпретаторов Басинских. Но о жанре и стиле в «Подлинной истории...» немного позже.

Обзор этой книги будет неполным без экскурса в предыдущую Павла Басинского о Толстом «Лев Толстой: Бегство из рая», фактура для которой взята из дневников Толстого.

После прочтения этой книги осталось гнетущее, замешанное на брезгливости ощущение от автора: публично смаковались некие быто-фрески, сладострастно подсмотренные Басинским в замочную скважину отхожего места, коим считал свои дневники Толстой. Сам классик отозвался сокрушительно об этой своей мучительной страсти выплёскивать на бумагу все извивы и катарсисы души, нередко скабрёзные и похотливые, мыслимые им как сугубо личные заготовки и «житейский сор» для будущих романов:

«Всё, что там писалось... ужасно жестоко, цинично и несправедливо, там говорится о таких интимных отношениях, о которых было гадко и скверно с моей стороны записывать, и ещё гаже допустить, чтобы кто-нибудь, кроме меня, читал их».

Но именно всё самое гадкое, циничное и интимное, не предназначенное для чужих глаз, выставил впоследствии в собственной редакции на обозрение всего общества помощник, секретарь, редактор и вор рукописей, домашний шпион семьи Толстых – Чертков. Фигура достаточно зловещая, с гипнотическим воздействием на Толстого, по совместительству – внебрачный сын Александра II, тайный осведомитель Московского обер-полицмейстера Трёпова, завербованный доносчик и сексот английского евангелиста – лорда Редстока, встроенного в надзорную систему за Россией извечно «гадящей англичанкой»

и изгнанного, в конце концов, правительством из России в Англию.

Чертков, так умудрившийся вернуться из английской ссылки, оставаясь в цепких лапах лорда, буквально прилип к Толстому. И стал исполнять функции кислоты, разъедающей семью русского гения: стравливал писателя с женой, доносил Редстоку и полиции о его замыслах, рукописях, гипнотически воспалял его религиозный разлад с Православием и Церковью, втаскивал в протестантство и кришнаитство, подсовывая буддистские талмуды. Отчётливо просматривается сверхзадача Чертова в семье Толстых: любой, самой подлой ценой выбить русского Гулливера литературы из равновесия, возбудить в писателе протест против Церкви и двора Романовых, принизить, оскотить его непомерно разросшийся статус в мире. При этом попутно получая громадные доходы от изданий Толстого, позволивших ему возвести себе дворец куда роскошнее, чем вся Ясная Поляна графа.

Эту нескончаемо длящуюся, необъяснимую власть над Толстым отчаянно выплеснула на бумагу своего дневника жена Софья Александровна:

«Жизнь моя со дня на день делается невыносимее... и это всё очень последовательно сделано Чертовым. Он всецело забрал в руки несчастного старика и разлучил нас, он убил художественную искру в Л. Н. и разжёл ненависть, отрицание меня... и не будет этому конца до смерти несчастного, опутанного дьяволом Чертовым, Лёвушки».

Не покидает ощущение, что Павел Басинский в своей книге «Лев Толстой: Бегство из рая» синхронно и бесшовно сплавился со сверхзадачей Чертова и лорда Редстока; из-под комплементарной, цветасто благостной формы книги выпирает карикатурно шаржированный скелет русского гения, представленного потомкам неким либидо-буйным монстром.

Читая в интернете отзывы на эту книгу Басинского, понимаешь, что задача во многом выполнена. Здесь стоит привести один из многих отзывов об этом опусе Басинского (автор Додельница), который аккумулирует в себе суть многих остальных, пропитанных отторжением:

«В книге много всей этой Толстовской похабщины. После прочтения Басинского я бы назвала отношение Толстого к женщине потребительским... женоненавистничество тоже присутствует. После книги порой хочется сказать о Толстом «омерзительный псих». Книга среднего уровня, и не могу не сказать: читать её не нужно и вредно, уж очень негативна и осквернена личность Толстого».

Не этой ли оценки и не такого ли отношению к Толстому добивался в своей книге Басинский, кажется, достойный наследник Черткова и лорда Редстока? Что изучать в школах и вузах нынешней молодёжи о Толстом? Его либидо-воспалённый физиологизм и похотливые похождения по Черткову-Редстоку-Басинскому? Или покоровившие планету «Войну и мир», «Кавказского пленника», «Холстомера», «Севастопольские рассказы» русского гения, которого знает и почитает весь мир?

Как говорилось выше, подавляющий жанр и стиль книги «Подлинная история Анны Карениной...» – пересказ. Богатейшая фактура текстов Толстого в «Анне Карениной» с её притчевостью, образностью, тончайшей психологической нюансировкой – всё это прессуется Басинским лихо и нещадно, оставляя от романа выжатый жмых. Перед читателем, после прочтения его книги, остаётся торчать ошкуренно голый сюжетный ствол романа, сравнимый разве что со школьными сочинениями нынешних оболтусов, зомбированных гаджетами:

«Конфликт в доме Облонских, как зубчик шестерёнки, влечёт за собой приезд Анны (материальный «зубчик шестерёнки» может влечь за собой человеческое событие?!) в Москву ради примирения её брата с женой. По дороге Анна знакомится с матерью Вронского, которая в итоге сыграет в её смерти ключевую роль. Поездка в одном вагоне с графиней Вронской приводит к тому, что Анна сталкивается (лоб в лоб, или грудь с грудью?!) с самим Вронским. Затем они опять случайно видят друг друга в доме Облонских. Потом Анна оказывается на балу, где танцует с Вронским. Потом происходит встреча Анны с Вронским на станции Бологое в метель. Разговор Вронского и Каренина на вокзале в Петербурге».

Ещё один из бесчисленных, многостраничных пересказов Басинского происходящего в доме Облонских: муж Стива, гувернантка, с которой он изменял, жена, дети, англичанка, экономка, чёрная кухарка, повар, телеграмма от Анны Карениной...

Ещё один – из ресторана «Англия» с его роскошным меню: флешбургские устрицы, прентаньер, тюрбо под соусом Бомарше, ростбиф, каплуны пулярки, шампанское... классическое шабли, сыр пармезан...

Пересказы щедро перемешиваются с цитатами из Толстовской «Анны Карениной». Когда выберешься из этого вязкого месива – пересказа, нафаршированного цитатами из Толстого, – логично тянет к арифметике: каков сравнительный процент в «Подлинной истории...» самого Басинского?

В четырёх взятых наугад страницах «Подлинной истории...», вместились двести строк. Из них 194 (!) – строки примитивно-нудного пересказа, окрашенного в обличительно-обвинительные тона, с цитатами. И лишь 6 (!) строк – специфические суждения самого Басинского:

«Но почему её (Анну Каренину – Е. Ч.) так мало заботит девочка? Предположим, это связано с тем, что она бредит. Но и выздоровев, Анна не заботится о дочери»;

«Что мы имеем в сухом остатке?.. Кажется немного, полнота фигуры... Анна Каренина не похудела в процессе работы Толстого от черновых вариантов к окончательной версии романа».

И ещё один, избранно-чёрный мазок на облике Анны Карениной:

«Это был дьявол, который овладел её душой... она становилась упорно, нарочито мелочна, поверхностна, насмешлива... холодна».

И в таком стиле десятками страниц. Из зубчиков шестерёнки, устриц и каплунов, из сыра пармезана сам победитель «Большой книги» – Павел Валерьевич Басинский выныривает дистрофично-авторскими суждениями в объёме около трёх процентов, суждениями, которые выборочно касаются скабрёзных ситуаций в романе, плоти Анны Карениной и «дьявольского» склада её души.

Остаётся сожалеть о том, что Лев Толстой не дал размахнуться во всю ширь плотскому аналитику Басинскому, оставив за скобками романа длину ногтей Анна, размеры её бюста и её менструальные циклы. Впрочем, Лев Толстой и не смог бы проделывать это с трупом, поскольку, по Басинскому:

«Автор убивает свою героиню уже в XI главе второй части романа, в единственно постельной сцене, где Анна отдаётся Вронскому».

Затем Павел Валерьевич погружает своего читателя в прозекторские трупные подробности, но не Анны Карениной, а её жизненного прототипа – Анны Пироговой:

«Лев Николаевич видел её с обнажённым черепом, всю раздетую и разрезанную, в Ясенковской казарме. Впечатление было ужасное».

Трупные подробности увиденной Анны Карениной дополняет притянутый за уши Вронский с его видением Анны из романа: «Бесстыдно раскинутое посреди чужих окровавленное тело».

Станным образом Павла Басинского магнитно притягивают в этом, как и в предыдущем, романе не столько история и психология Анны Карениной, сколько жизненные передраги автора – Льва Толстого, судьба и биография его самого и его семьи, из которых Басинский тщательно отсортировывает для всеобщего обозрения миазмы ссор, агрессии и зависти, склок, инициированных и смачно отредактированных в своё время Чертковым.

Павла Валерьевича лихо и сумбурно заносит в какой-то скачущий хаос семейных и околосемейных персонажей: письмо Толстому из Гейдельберга от сестры; цитата из письма; Маша и Лёвочка – младшие дети в семье Толстых; сплетение судеб в семье: Лев – Варвара – Валерия – княжна Дондукова – Корсаков – братья Николай, Дмитрий, Сергей. В этот семейный сумбур втёсывается Десятитысячный билет, подаренный Варваре из гонорара за «Войну и мир».

Затем следует ещё более резвый, рекордно дальний прыжок автора от судьбы Анны Карениной к первенцу в семье Пушкиных – Маше. О её зубках и танцах: «Танцевать она выучилась у собачек». О выходе замуж за Гартунга, возле которого

появляется некий ростовщик Занфлебен. Смакуются отношение Гартунга к этому ростовщику. Суд над Гартунгом. Его самоубийство. Отношение Марии Александровны Пушкиной к самоубийству. И наконец, совсем чемпионский из «рода сумасшествия» Басинского, скачок к... пенсии М. А. в 200 рублей, которую пробил Луначарский и повысил затем до 300 рублей. С коими Марию Александровну застала революция 1917 года.

Попутно на читателя наваливается тщательно отобранные выплески агрессии, злобы, зависти в семье Толстых. Здесь отношения Толстого и Тургенева, оценка его перевода: «Что за мерзость Флобер в переводе Тургенева! Это возмутительная гадость!».

Здесь же едва не состоявшаяся между ними дуэль, причиной которой стали резкие слова Толстого о внебрачной дочери Тургенева Полине.

Здесь сбор материалов в 1872–73 гг. и неоднократные попытки написать роман о Петре I, которые заканчиваются творческим крахом. Что вызывает в Толстом безудержную ярость и ненависть к самому Петру: «Пьяный сифилитик Пётр со своими шутами!».

Жаль, что приведённая Басинским фреска о Петре I столь кастрированно коротка. А как бы хотелось узнать от Павла Валерьевича об «Арапе Петра Великого», которого сыграл в кино Высоцкий. У которого была возлюбленная француженка Марина Влади, стоически переносившая его запои, дебоши и наркоманство. А также о сквере в Самаре, названном именем Высоцкого, где на газон вокруг памятника с гитарой мочатся выгуливаемые собачки. И сколь часто они это делают.

Но Павел Валерьевич, оставив Петра I в одиночестве, подтаскивает нас к взаимоотношениям издателя Каткова и Толстого, куда Басинский встраивается третьей стороной, выставив Толстого обманщиком:

«Катков обманул Толстого, превратив его произведение только в роман. Но ведь и Толстой обманул Каткова, печатая в его журнале, по мере написания, роман, но не закончив его так, как романы заканчивают».

Остаётся благоговеть по поводу литературного прокуратора Басинского, «подлинно» знающего, как «графоману» и обманщику Толстому следовало заканчивать роман.

Далее ревность Толстого к Флоберу: «Толстой на сравнение себя с Флобером, пусть и в свою пользу, делал “глухое ухо”».

Можно предложить Павлу Валерьевичу для полноты Толстовского образа ещё одну грань его облика, который, благодаря своим крестьянским трудам, не похож на толстяков Облонских: «Толстой на сравнении себя с Облонским, пусть и в свою пользу, делал “тощее брюхо”».

Наконец завершая «мерзопакость» бытия Толстого, Басинский дополняет характеристику русского гения обвинением в плагиате, имея в виду сюжет «Мадам Бовари» Флобера, который Толстой, по Павлу Валерьевичу, беззастенчиво слямзил для «Анны Карениной» у француза: «Строго говоря, с точки зрения сюжетной схемы (жена изменяет добродетельному мужу и расплачивается за это своей жизнью) можно даже говорить о плагиате».

Здесь нужно не сколько говорить, сколько вопить о двойном плагиате Толстого: Отелло, поверив доносу в неверности Дездемоны, примитивно душит страдальицу – за неимением поезда с его рельсами и колёсами. Можно подсказать ещё несколько вариантов из мировой литературы.

Но – достаточно о книге из школярских пресс-релизов романа Толстого, цитат из неё, книга из 21 главы, суть и смысловая авторская нагрузка которых около 3%. Она, как и предыдущая – «Лев Толстой: бегство из рая», до отказа напичкана сладострастно отобранными скабрезностями, злобой, обманами, плотской физиологией, бузотёрством семьи русского гения Толстого и его самого. Эта, по сути дела, обзорная статья, раздутая до размеров романа, обильно нафаршированная десятками страниц нудных пересказов, являет из себя некий литературоведческий ХАОС. Хаос – греческое слово, переводится как «зияние» «зев». То есть – пустота. И эта пустота навязывается нам «Большой книгой» как образец писательства.

Может, хватит?

Ни Басинских и иже с ними, ни вознёсшую их на пьедестал «Большую книгу», пока не перекроишь, не огородишь от них зомбированные, разжиженные айфонами молодёжные мозги, которые формировались по Соросу и Чубайсу, по «Дождю» и Венедиктову, по «Дому-2» много лет. Засасывающе гибельна ядовитость той денежной англо-саксонской и американской трясины, которая десятилетиями пропитывала миазмами подбострастия и русофобии эти мозги. Мы видим окровавленные, жуткие результаты подобной работы сейчас на Украине.

Что делать?

Масштабно и государственно учредить альтернативно противоположную премию «Большая книга». И поднимать с её помощью нравственно-патриотическую, русскую литературу, драматургию, киноиндустрию. В которых всегда абсолютно комфортно чувствовали себя якут и бурят, чеченец и башкир, татарин и калмык, белорус и дагестанец. А в перспективе – сириец и бразилец, аргентинец и венгр, кубинец и серб.

Надобность в этом болезненно, до катастрофы, назрела именно сейчас, когда на Украине разгорается Третья мировая война против нас. Когда нужен очищающий поток нравственной, национальной духовности. И не просто поток – целенаправленная лавина, которая станет сдирать с общества, смывать коросту потребительства, наживы, хамства, пофигизма, сатанизма и прочей «майдановщины», которой ненавистны русские гении.

Так всё же – что конкретно делать?

Нужен антагонистичный Редстокам-Ткачёвым-Басинским и «Большой книге» государственный заказ на такую литературу, пьесы, киносценарии: в форме Международного конкурса – масштабированного ежегодным Президентским грантом: «Встанем вместе, братья!».

Конкурса, который будет иметь в своём распоряжении театр, издательство и тесную договорную связь с киностудией для постановки и съёмки по сценариям кинофильмов-лауреатов. Это будет тот самый замкнутый цикл, который сможет не просто выявлять, отбирать, награждать лучшие произведения, но и реализовывать их в издательстве, театре и кино.

Конкурс должен быть ориентирован на патриотическую и военно-патриотическую тематику, на единение всех народов Рос-

сии. Начата животворная реформа нашего ВПК и армии. Столь же жизненно необходима наступательная, бескомпромиссная реформа литературы и искусства.

P. S.

Во весь рост встаёт вопрос вопросов: кто организует «Большую книгу» как Национальную литературную премию?

Это «Центр поддержки отечественной словесности», где солидные участники партнёрства, например, АО «АЛЬФА-БАНК», Александр Мамут, Роман Абрамович, другие персоналии и компании... Есть даже мужской журнал «Медведь».

В числе соучредителей: Минцифры, Минкульт, Институт русской литературы, Российский книжный союз, Российская библиотечная ассоциация, Всероссийская государственная телерадиокомпания, ИТАР-ТАСС, ОАО Газпром-Медиа-Холдинг, Издательский дом «Комсомольская правда». Состав жюри интересен уже хотя бы тем, что в нём членствует и сам... Басинский.

г. Самара